

Научная статья
УДК 821.161.1-4.09«19»
DOI 10.37724/RSU.2022.75.2.013

«Чувства добрые» обращений А. И. Солженицына к молодежи

Гульнара Монеровна Алтынбаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
ORCID 0000-0001-5168-7138
altynbaevagm@sgu.ru

Аннотация. В статье на материале обращений, лекций, речей, ответов А. И. Солженицына в студенческих аудиториях Владивостока, Москвы, Ростова, Рязани, Самары, Саратова, Твери, Томска, Виндзора, Гарварда, Цюриха и других городов России и Зарубежья проанализированы этические и эстетические взгляды писателя на современный мир, вопросы саморазвития и проблему гуманистических ценностей. В статье аргументированно показано, что Солженицын стремится привить молодым собеседникам такие нравственные качества, как самоограничение, справедливость, совесть. Кроме того, автор статьи говорит о том, что, опираясь на опыт предыдущих поколений, Солженицын предупреждает от ошибок неопытности, предупреждает об угрозах человечества, среди которых: 1) истина, «мгновенно ускользающая» и вызывающая раскол в обществе и отчуждение; 2) упадок общественного мужества, расслабление человеческого характера, безволие, потерянности в действиях, усиливающих трусость, заискивание, прагматизм и ведущих к потере воли к защите; 3) добровольный отказ от свободы, независимости человека в пользу комфорта, физических и материальных благ, наслаждения. Все риски современной жизни Солженицын выводит к неизбежному — моральной нищете, выветренному гуманизму, жестокому духовному кризису и политическому тупику; «общими камнями» называет бескрайний материализм, свободу от религии и религиозной ответственности, наукообразия. В «советах», которые давал Солженицын молодым собеседникам, видится одна из важнейших основ его эстетики — коммуникативность. Солженицын не мог существовать без диалога с читателем, с современниками, с литературой, со временем, поэтому и при чтении прозы, публицистики, мемуаристики и литературной критики Солженицына мы встречаем богатство риторических приемов. В итоге автор статьи приходит к выводу, что в диалогах Солженицына с молодежью в 1960–1990-е годы актуализированы профессиональные компетенции, которые востребованы сейчас в системе образования, формирующей образованную и воспитанную личность. Солженицын призывает знать мировую и национальную историю и культуру, понимать границы между свободой и вседозволенностью, хочет, чтобы молодые люди умели вырабатывать и сохранять в себе нравственные ценности, человечность, гуманность и затем укреплять их в течение жизни, а также овладели способностью самоограничения, совести, чтобы не только презентовать себя, но прежде всего развивать в себе «чувства добрые», о которых говорил А.С. Пушкин..

Ключевые слова: А. И. Солженицын, духовное зрение, опыт поколений, писательская публицистика, эстетика писателя.

Для цитирования: Алтынбаева Г. М. «Чувства добрые» обращений А. И. Солженицына к молодежи // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 129–137. DOI: [10.37724/RSU.2022.75.2.013](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.013).

Original article

A. I. Solzhenitsyn's Conversations with Young People about the Awakening of "Kind Feelings"

Gulnara M. Altynbayeva

Saratov National Research University named for N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

ORCID 0000-0001-5168-7138

altynbaevagm@sgu.ru

Abstract. The article analyzes A. I. Solzhenitsyn's lectures and speeches delivered in lecture halls in Vladivostok, Moscow, Rostov, Ryazan, Samara, Saratov, Tver, Tomsk, Windsor, Harvard, Zurich and other towns and cities in Russia, Europe and the USA to investigate the writer's ethical and aesthetic views on the modern world, his ideas about self-improvement, his perception of humanist values. The article proves that Solzhenitsyn strives to endow his young listeners with moral qualities, such as self-discipline, fairness, conscience. The author of the article maintains that Solzhenitsyn tries to warn his young listeners against mistakes associated with lack of experience, talks about threats facing humankind, such as 1) elusive truth that can result in social disruption and hostility, 2) a decline in courage, lack of willpower, cowardliness, subservience, pragmatism, 3) rejection of freedom and independence for the sake of comfort, material wealth, enjoyment. For Solzhenitsyn, all risks of modern life are associated with moral destitution, emasculated humanism, spiritual crisis, political impasse. He underlines such hidden dangers as boundless materialism, complete disregard of religion and religious duties, sciologism. Solzhenitsyn's advice to his young listeners is based on communicativeness, which is one of the pillars of his aesthetics. Solzhenitsyn couldn't imagine his life without his dialogues with his readers, his contemporaries, his literature, his time. Reading Solzhenitsyn's prose, his memoirs, his literary criticism, we see a wide variety of rhetorical devices. The author concludes that Solzhenitsyn's communication with young people in the 1960s-1990s reeks of professional competencies which are in high demand nowadays, which ensure the formation of an educated and harmoniously developed personality. Solzhenitsyn highlights the importance of knowing world and national history and culture, he wants young people to be able to develop and preserve moral values, and humane character. He urges them to practice self-discipline and conscience. He encourages them to awaken "kind feelings" Alexander Pushkin speaks about in his poem "My Monument".

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, spiritual vision, experience of former generations, Solzhenitsyn's literary works, Solzhenitsyn's aesthetics.

For citation: Altynbayeva G. M. A. I. Solzhenitsyn's Conversations with Young People about the Awakening of "Kind Feelings". *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 2 (75):129–137. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.013.

Введение

Александр Исаевич Солженицын — писатель, общественный деятель. Но важно помнить, что по первому образованию он — учитель. А еще он — многолетний отец, и вопросы воспитания и образования молодежи его волновали на протяжении всей жизни. Об этом речь идет и в его публицистике, и в художественных текстах.

Основная часть

Впервые писатель обращается к читателю с дидактическим посланием уже в ранней повести «Люби революцию» (1948, 1958): «Педагогом надо родиться. Надо, чтоб учителю урок никогда не был в тягость, никогда не утомлял, — а с первым признаком того, что урок перестал приносить радость, — надо бросить школу и уйти. И ведь многие обладают этим счастливым даром. Но немногие умеют пронести этот дар через годы непогасшим» [Солженицын, 2016, т. 18, с. 277]. Также в тексте звучит и предупреждение об опасности, с которой может столкнуться молодой учитель, — любить «не столько эту работу, сколько себя в этой работе» [Там же].

Читая ответы, речи, выступления, лекции Солженицына, прозвучавшие в разные годы в студенческих аудиториях учебных заведений России и за рубежом, мы видим, как заинтересованно он общается с молодежью. Владивосток, Москва, Ростов, Рязань, Самара, Саратов, Тверь, Томск, Виндзор, Гарвард, Цюрих — неполный список городов, молодежь которых услышала ответы Солженицына.

Обратимся к этим текстам, чтобы понять, какие «чувства добрые» Солженицын пробуждает в своих молодых собеседниках.

«Никто не спрашивает юношу, избравшего науку, — зачем ты ее избрал? одумайся! Жизненная задача всякого человека начинается с того, чтобы правильно понять свои способности и наилучшим образом их приложить» [Солженицын, 1996, с. 13], — с такого нравственно ориентированного обращения начинается свой «Ответ молодому ученому» Солженицын в 1966 году. Для писателя очень важно *целесолагание* в научной и во взрослой жизни вообще, и ответ «мне интересно» его категорически не удовлетворяет («отдашь ли ты себе отчет в цели своей деятельности и в своем месте в обществе» [Там же], «Друг мой! "интересно" — это вообще не ответ, а если ответ — то совершенно

безнравственный» [Там же, с. 14]). Нравственное требование, которое стремится привить Солженицын молодому собеседнику, — *самоограничение* («думать об обществе больше, чем о себе, и больше, чем о науке, думать, как послужить ему сегодняшнему, а не тому хрустальному, двадцать первого века» [Там же, с. 15]).

В 1967 году, находясь в Рязани, Солженицын получил письмо от трех московских студентов и, прочитав, послал им ответ. В своем обращении он настраивает ребят на чувство *справедливости* («Справедливость есть достояние протяженного в веках человечества и не прерывается никогда — даже когда на отдельных “суженных” участках затмевается для большинства. Очевидно, это понятие человечеству врожденно, ибо нельзя найти другого источника. Справедливость существует, если существуют хотя бы немногие чувствующие ее. Любовь к справедливости мне представляется чувством отдельным от любви к людям (или совпадающим с нею лишь частично)» [Солженицын, 1996, с. 34]) и *совестливости* («совесть, но не личная, а всего человечества сразу. Тот, кто ясно слышит голос собственной совести, тот обычно слышит и ее голос» [Там же]). Только единство этих качеств «дает нам возможность быть постоянно деятельными, не руки опустя» [Там же], и позволяет противостоять релятивизму.

В «Нобелевской лекции» (1972) Солженицын, как известно, отдает предпочтение вопросам платоновского триединства Истины, Добра и Красоты, которые спасут Человечество. В то же время обозначаются и препятствия на пути сохранения нации. И в этом случае риторика Солженицына обращена к молодежи. Опираясь на опыт предыдущих поколений, он предостерегает от *ошибок неопытности*: «Молодежь — в том возрасте, когда еще нет другого опыта, кроме сексуального, когда за плечами еще нет годов собственных страданий и собственного понимания, — восторженно повторяет наши русские опороченные зады XIX века, а кажется ей, что открывает новое что-то. <...> Верхоглядное непонимание извечной человеческой сути, наивная уверенность не поживших сердец... <...> — снова явление русское, XIX века, Достоевский называл его “рабством у передовых идей”» [Солженицын, 2001, с. 28].

Второй бедой русского человека, о которой предупреждает Солженицын молодежь, является *смирение*, ведущее и к физической, и к моральной гибели. Речь идет не о христианском смирении, а о смиренной покорности властям. В программной статье «Образованщина» (январь 1974 года) читаем: «По всему миру студенты захватывают университеты, выходят на улицы, даже свергают правительства, а смиреннее наших студентов в мире нет: сказано — политучеба, пальто с вешалки не выдавать, и никто не уйдет. В 1962 весь Новочеркасск бушевал, но в общежитии Политехнического института заперли дверь на замок — и никто не выпрыгнул из окна!» [Солженицын, 2001, с. 138–139].

Выступая на ассамблее выпускников Гарвардского университета (8 июня 1978 года), Солженицын в речи к американской молодежи симптоматически предупреждал о нарастающих угрозах человечества: первая — *истина, которая «мгновенно ускользает»* и вызывает раскол в обществе и отчуждение; вторая — *упадок общественного мужества, расслабление человеческого характера, безволие, потерянности в действиях*, усиливающие трусость, заискивание, прагматизм и ведущие к потере воли к защите (о чем иронически заключает: «Напоминать ли, что падение мужества издревле считалось первым признаком конца?» [Солженицын, 2001, с. 240]); третья — *добровольная потеря свободы, независимости человека* в пользу комфорта, физических и материальных благ, наслаждения («В сегодняшнем западном обществе открылось неравновесие между свободой для добрых дел и свободой для дел худых» [Там же, с. 242], «свобода разрушительная, свобода безответственная получила самые широкие просторы» [Там же, с. 243]). «Психической болезнью XX века» Солженицын называет *поверхностность и поспешность*, наиболее активно представленные в прессе, стремящейся к «сенсационным формулировкам». Пагубным путем писатель считает *придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных*» [Там же, с. 245] (курсив наш. — Г. А.).

Все названные риски современной жизни Солженицын выводит к неизбежному — *моральной нищете, выветренному гуманизму, жестокому духовному кризису и политическому тупику*; «общими камнями» называются *бескрайний материализм, свобода от религии и религиозной ответственности, наукообразие*. Несмотря на то, что все эти жесткие характеристики Запада обращены к западной молодежи, они также представляют опасность для любого жизненного пути, поэтому посыл выпускникам Гарварда может быть адресован и к выпускникам университетов всего мира. Солженицын призывает молодых людей «пересмотреть шкалу распространенных человеческих ценностей и изумиться неправильности ее сегодня. <...> Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира» [Солженицын, 2001, с. 254].

В мае 1983 года Александр Исаевич был приглашен выступить перед старшеклассниками британского Итонского колледжа для мальчиков (17 мая). Обратившись к ребятам «мои молодые друзья!», Солженицын поддержал в них «большую страсть к учению», которой и сам был заражен в юности, и в то же время предостерег: «одно образование еще не дает человеку всего необходимого. Образование ваше будет плохо использовано, если вы не сумеете выработать в себе собственного духовного зрения, духовной позиции. И ваше образование останется втуне, без настоящего применения, если у вас не выработается *характер и воля к действию*» [Солженицын, 1997, с. 145] (курсив наш. — Г. А.). Примечательно, что Солженицын никогда не обращается к молодым людям как к детям, он со всей серьезностью и прямоотой говорит о правде жизни, как бы подготавливая и оберегая молодые умы и сердца: «Вы вступаете в жизнь в роковую эпоху. Вам не предстоит жизнь благополучная, ровная, без крупных событий. Этот смерч исторический захватит вас <...>. Вы вступаете в жизнь в период, когда окончилась долгая эра человеческого существования, три или четыре столетия. Мы стоим перед большим поворотом, не только физическим, но и духовным. А если мы этого духовного поворота не совершим, то мы просто все погибли» [Там же, с. 146]; «Я хочу настоятельно призвать вас не поддаваться беспечности, не ожидать для себя благополучной, счастливой жизни. <...> ...пока вы еще стоите на нескованных ногах и руки ваши свободны. Защищайте свободу, пока она у вас есть» [Там же, с. 148]; «Как ни трудно для человека, но надо стараться понимать и учиться на чужом опыте» [Там же, с. 150].

После возвращения на родину в 1994 году Александр Исаевич почти два года путешествовал по России, был во многих городах, выступал в российских вузах и везде неизменно просил молодежь задавать вопросы, высказаться о сегодняшних настроениях, об избранной специальности, о вере или неверии в нынешнее направление, по которому движется Россия, о том, как себе представляют приложение личных усилий в будущем.

В ответах на вопросы студентов звучат те же предостережения и пожелания, что и студентам американских и британских колледжей: «Дорогие друзья! <...> У каждого поколения своя духовная атмосфера. У каждого поколения своя судьба. Наше поколение росло в спартанской обстановке» [Солженицын, 2005, с. 237]; «У вас эпоха — своя. И свои опасности, и свои соблазны. Для каждого юного организма, для каждого человека вашего возраста — эта эпоха неповторима. Она определяет вашу судьбу, вашу и многих, с кем вы связаны, и окружающих. <...> Вам предстоит проявить свой характер, и, кроме того, вам, дорогие мои, предстоит проявить общественную активность, ибо, как никогда, как никогда за все минувшие десятилетия, сегодня судьба России в руках ее граждан, зависит от активности ее граждан» [Там же, с. 239].

На тематической встрече со студентами Российского государственного гуманитарного университета в 2002 году [Солженицын, 2016, с. 195–219] в основном речь шла о «Красном Колесе», но в вопросах постоянно звучала просьба высказать свое мнение об истории и обосновать свою концепцию. И такая неразделимость вопросов о жизни, о творчестве, о личной позиции характерна и самому Солженицыну: его этическая и эстетическая точки зрения дополняют друг друга.

Все формы прямого диалога Солженицына с молодежью еще более убедительны, когда прочитывается его проза, в которой диалог поколений занимает определенное место. Это говорит о том, что этические принципы писателя едины во всех сферах его жизни и творчества. Красота творения выводит в нужную точку Добро и Истину. Обратим внимание на некоторые важные примеры.

Солженицын неизменно обеспокоен системой образования подрастающего поколения. Вспоминается эпизод в романе «Раковый корпус», где санитарка Елизавета Анатольевна советует с Костоготовым по поводу сына: «...растет умный мальчик, обо всем спрашивает — и как же его воспитывать? Нагружать всей правдой? Да ведь от нее и взрослый потонет! Ведь от нее и ребра разорвет! Скрывать правду, примирять его с жизнью? Правильно ли это?» [Солженицын, 2012, с. 452]. Костоготов уверенно ответил: «Нагружать правдой!» И здесь мы слышим голос самого писателя. Именно об этом финальная фраза «Нобелевской лекции» Солженицына: «Одно слово правды весь мир перетянет» [Солженицын, 2001, с. 33]. Эта русская пословица, по его мнению, заключает в себе правило и нравственного воспитания молодежи, и этической позиции человека, и, конечно, творческой деятельности художника, «маленького подмастерья под небом Бога».

Учительница Лидия Георгиевна («Для пользы дела» (1963)) настаивает в разговоре с учениками-бунтарями техникума, что «телевизионная программа — мотылек, живет один день, а книга — века!» [Солженицын, 2006, с. 214], «книга запечатлевает нашего современника! наши свершения! Книга должна нам дать глубины...» [Там же, с. 215]. Но ее идеалистическое представление о правде, ее непримиримость с «государственной необходимостью» отдать новое здание техникума не нужны

властимущим. Она предвидит, к чему приведет такое отношение к молодежи: «Я понимаю, как будет выглядеть то, что вы нам диктуете: ребята сочтут, и правильно сочтут, что мы боимся правды! Будут они за это нас уважать, да?» [Там же, с. 238].

Студентка Настенька («Настенька» (1995)), заразившись в гимназии литературой, мечтает пойти по стопам своего преподавателя Марии Феофановны, открывавшей, «как еще по-новому смотреть на книги: не только жить с этими героями, но еще и все время с автором» [Солженицын, 2006, с. 357]. Настеньку учат в педагогическом институте: «...поэт, писатель творят, ведомые не свободным вдохновением, а — может быть, сами не сознавая, невольно, но и объективно, выполняют чей-то социальный заказ» [Там же, с. 359]. Закончив учебу и получив распределение, Анастасия Дмитриевна учит ребят, полностью отдаваясь «святому делу Литературы», но не как мечталось, а «как надо» — по рекомендациям Соцвоса, не видя «возможности сопротивиться», чтобы не «отгораживать детишек от эпохи, в которой им жить» [Там же, с. 365]. «Сияющие, вдохновленные глазенки учеников» впитывали все, что говорила на уроках Анастасия Дмитриевна, которая, не отставая от распоряжений и от «классового обоснования», с каждым уроком «отвыкала от свободы» «и сама уже — не могла выражать, как чувствовала когда-то» [Там же, с. 370]. Автор оставляет читателя с вопросами: какое поколение личностей вырастила Настенька своими «уроками литературы»? какие «чувства добрые» привила?

Основательно тему наставничества автор решает в «Красном Колесе» через образы Павла Варсонофьева и Ольды Андозерской. Саня и Котя жадно впитывают, запоминают разговоры со «знакомцем по Румянцевской библиотеке» звездочетом Павлом Ивановичем Варсонофьевым: «Чем-то выделялся Звездочет и среди весьма важной, умственной библиотечной публики Румянцевского музея: то ли темно-блестящими глазами в пещерных впадинах, отчего постоянно глубоко серьезно было его лицо; то ли ужатостью с боков, ужатостью и головы и всей фигуры; то ли особой манерой задумываться: длинные руки локтями в стол упереть, шалашиком свести, пальцы впереплет, и чуть-чуть вода по ним крайними волосами бороды, упорно глядеть поверх голов на верхние полки и под хоры» [Солженицын, 2007, т. 7, с. 363]. Варсонофьев представляется им важным наставником, мнение которого укрепит их собственные мысли об участии в войне, о патриотизме. Реплики старика, его манера прислушиваться и присматриваться, его «наследственные глаза», его искреннее удивление и изумление заставляли ребят думать обо всем серьезно и смелее самовыражаться, помогали им сделать «трудный и лестный... выбор — к кому же себя отнести» [Там же, с. 372]. Именно в разговоре со стариком (хотя, по его собственному признанию, ему было пятьдесят пять лет) Саня впервые по-взрослому рассуждает о судьбе России как «перепрокинутой телеге». Варсонофьев так умело задает вопросы («Правильность или неправильность можно оценить, только исходя из ваших убеждений» [Там же, с. 64]), что Саня и Котя сами говорят о своем отношении к толстовству, народничеству, гегельянству и в итоге приходят к убеждению, что «надо выбирать». Дав им возможность выговориться, Павел Иванович оглашает свои законы жизни, не жалея молодые умы, говорит с ними как с равными:

- «заносчивость — первый признак недостаточного развития» [Солженицын, 2006, с. 373];
- «для человека нет нич-чего дороже строя его души, даже благо через-будущих поколений» [Солженицын, 2006, с. 373];
- «история — **иррациональна** (выделено автором. — Г. А.)», «история растет как дерево живое» [Солженицын, 2006, с. 374];
- «доказать не могу. Но чувствую. Когда трубит труба — мужчина должен быть мужчиной» [Солженицын, 2006, с. 375];
- «на главные вопросы — и ответы круговые. На главный вопрос и никто никогда не ответит (разрядка автора. — Г. А.)» [Солженицын, 2006, с. 376].

Не знали только замороженные речами Варсонофьева Саня и Котя, что и сам он совсем недавно тоже был в чем-то таким же наивным, доверчивым и страстно увлеченным, а теперь смущался той своей искренности «на разных поворотах нашей жизни»: верил в Союз Освобождения («Так все повернулось в Варсонофьеве, да и не вовсе медленно: зачем он тогда так страстно бился? Все было не то» [Солженицын, 2007, т. 8, с. 506]), а теперь называл его «крикливой, мелочной толпой», был оравлен постоянной необходимостью чтения газет, хотя и «окончательно осознал, что ни одна газета не может принести ни ему и никому никакого прояснения мысли, а лишь исплосить ее, уповерхностить или заострить в направлении партийном» [Там же, с. 504]. Варсонофьеву хотелось, чтобы именно этот самый опыт личного участия и личного разочарования прошли его молодые знакомые из библиотеки.

Спустя три года, в апреле 1917-го, Саня приедет в Москву и будет искать Варсонофьева для разговора о революции и для ответа на вопрос «что делать?», так как все это время помнит ту давнюю встречу и тот разговор об истории, и ему необходимо еще раз повидаться с мудрым стариком-звездочетом, носителем особой жизненной философии. Саня по-прежнему наивно верит, что в истории все будет «плавно», как и его невеста, Ксения, надеющаяся, что, может быть, «уляжется», произойдет чудо. Но Павел Иванович по-прежнему им безапелляционно отвечает: «Революция — это всегда катастрофа, распадаются государственные связи, и общество переходит в расплавленное состояние» [Солженицын, 2010, с. 529]; «наша революция — она, глядите, отчаянная, она — в припадке падучей бьется» [Там же, с. 530]. Разрушая опасный молодой восторг и фимиам, Варсонофьев советует: «Надо поглядывать трезво, да и по сторонам» [Там же]. Основание для такой позиции кроется в глубоком философском варсонофьевском утверждении: «Обязанности перед родиной — это и есть обязанности перед самими собой. Экзамен на свободу. Если мы так ломаем свободу, то мы и куем себе неизбежное рабство» [Там же, с. 531]. И, когда разговор снова зашел о колесе истории, то, сам того не осознав, Саня определил страшный и неизбежный теперь ход истории России: «Но колеса могут катиться и без Дороги» [Там же, с. 532], и Варсонофьев с сочувствием к молодым собеседникам заключил: «Боюсь, что мы нырнем — глубоко и надолго» [Там же].

Для прогрессивных студенток-первокурсниц Бестужевских женских курсов Верони, Ликони, Веры, Вари, Лизы и других встреча с Ольдой Орестовной Андозерской — «отменное событие», сама она — легенда (Верочка Воротынцева охарактеризует ее как «самую умную женщину Петербурга»). С одной стороны, это — «Женщина — профессор!», «недавно утвердили ее магистром» [Солженицын, 2007, т. 10, с. 417], с другой, мнения о ней не лишены скептицизма: Андозерская преподает Средние века, «это вызывает недоумение и почти даже смех: как же можно так далеко уходить от живой жизни? Как же можно так гасить в курсистках общественный дух?» [Там же, с. 418].

Первое появление Андозерской никак не отвечало предварительному мнению о ней: «со скромностью прошла мимо», «вообще для профессора была она молода», «очень просто держалась» [Солженицын, 2007, т. 10, с. 419]. Но с самого начала живого общения с курсистками, остановившими ее в коридоре, восприятие ее внешности постепенно меняется: «вполне устойчиво утвердилась на высоких каблучках», «выражение лица было — готовность хоть к семинарию, хоть к спору тут же» [Там же]. Ее умение слушать «как знакомое, чуть губы изогнув», в ответ улыбаться «несмущенно» и «очень уверенно многозначно», в обращении говорить «допытчивым» девицам «дорогие мои» приковали внимание настойчивых собеседниц. Все это дополнялось голосом («Как будто арию ведет. Таковую сложную, мелодии не различишь» [Там же, с. 422]), аргументированной позицией и умением говорить от второго лица множественного числа как будто за всех них и вместе с ними в пользу важности изучения Средневековья для понимания «живой жизни». Об этом она будет несомненно смело говорить на лекциях «ровным голосом, связно последовательно» [Там же, с. 369]:

– «...главной — духовная жизнь Средневековья. Такой интенсивной духовной жизни, с перевесом над материальным существованием, человечество не знало ни до, ни после» [Солженицын, 2007, т. 10, с. 420];

– «История — не политика», «материал истории — не взгляды, а источники. А уж выводы — какие сложатся, хоть и против нас. Независимое знание должно возвышаться» [Солженицын, 2007, т. 10, с. 420];

– «Личная ответственность каждого — за то, что делает он, и что делают при нем другие» [Солженицын, 2007, т. 10, с. 420].

Потом станет понятно, что «Ольда Орестовна только потому и может преподавать, что занимается западным Средневековьем» [Солженицын, 2007, т. 9, с. 374], а не «прямой агитацией» или политикой в угоду «вкусу времени».

И Варсонофьев, и Андозерская — вымышленные солженицынские персонажи, но проживающие настоящую жизнь в настоящей Истории. И то, что они говорят молодежи, заслуживает внимания не как общее философское рассуждение, а как часть разговора самого Солженицына с молодежью. Присоединимся в этой связи к высказыванию Андрея Немзера: «...герои, которых автор, завершив книгу, отпускает в непредсказуемую жизнь, входят в нее, усвоив уроки прошлого, мы предполагаем их духовный рост, мы надеемся, что они будут достойны полученного от их создателя прощального дара. Те же чувства мы испытываем к Георгию и Вере Воротынцевым, Ксень и Сане, Варсонофьеву, Андозерской, Ликоне, доктору Федонину, братьям Харитоновым...» [Солженицын, 2010, с. 763].

В 1995 году Солженицын вел еженедельные «Беседы на Останкино». Четыре беседы из тринадцати посвящены школе. В них писатель рассуждает о системе школьного образования, положении учителей, школьных учебниках, русской национальной школе; говорит о судьбе будущего поколения России: «Вот надо спасать сегодняшних детей, сегодняшних подростков», «Если мы не дадим национального воспитания в школе, если мы не будем воспитывать этих патриотических чувств, глубины истории нашей тысячелетней в наших детях, то мы и будущую интеллигенцию получим вот такую, как сейчас, — без связей с национальной традицией, с национальным духом и с глубиной истории» [Встречи ... , 1995]. Солженицын поднимал проблему кризиса образования и падения престижа образования в России, остро переживая и за систему школьного среднего образования в целом, и за статус национальной школы, и за положение русского языка в системе обучения, и особенно за отношение учеников к учебе, так как, по убеждению писателя, именно перед школой стоит задача «возрождения нашего национального сознания» [Там же]. Тогда, если почитать отклики, к словам Солженицына отнеслись скептически.

Именно на молодежь, прежде всего студентов — интеллектуальную силу будущего — писатель делает ставку. В обращениях он подталкивает своих молодых друзей мыслить самостоятельно, выбирать сознательно, стремиться к саморазвитию.

Исследователи спорят: Солженицын — архаист или новатор? Сам он избегал этих крайностей. Но его творчество, художественное и публицистическое, дает много примеров не только следования реалистической традиции и классическому русскому письму, но и оригинальных, креативных приемов, способов подачи живого непреработанного опыта, потому что сам «материал диктует».

Незабываема солженицынская формула: «литература вместе с языком сберегает национальную душу» [Солженицын, 2001, с. 25], потому и во время беседы со студентами-славистами в Цюрихском университете 20 февраля 1975 года Солженицын, будучи сторонником *сбережения русского языка*, его расширения, выдвигает на обсуждение своих молодых собеседников-славистов эту проблему: «...к сожалению, так идет, что каждое человеческое общество и каждый народ все время (при нашей цивилизации высокой) сужает эту языковую область. Веками эта область не менялась, веками — в России, во всяком случае, — язык стоял богатый, обширный, и не терял своих краев. А сейчас все время идет сужение, как шагреновая кожа, уменьшается вот эта вся область. И люди, самые культурные, интеллигентные, пользуются все меньшими, меньшими богатствами своего языка» [Солженицын, 1996, с. 217].

Заключение

Коммуникативное начало — одна из важнейших основ эстетики Солженицына. Прямой или мысленный, но всегда непрерывный диалог с читателем, с современниками, с литературой, со временем — то, без чего писатель Солженицын не мог существовать. Богатство риторических приемов мы встречаем при чтении прозы Солженицына, расширяется этот диапазон за счет публицистики, мемуаристики и литературной критики. Без этого невозможно было бы ему достигнуть пушкинской высшей гармонии. «Самое высокое достижение и наследие нам от Пушкина <...> — его способность (наиболее отсутствующая в современной литературе) все сказать, все показываемое видеть, осветляя его (разрядка автора. — Г. А.)» [Солженицын, 2001, с. 453].

Список источников

1. Встречи с А. И. Солженицыным. — Студия «Публицист», 1995. — URL : <http://www.solzhenitsyn.ru/mediateka/tvcasts/1335/> (дата обращения: 16.02.2022).
2. Солженицын А. И. «Прямая линия»: надо думать об общей беде / авт.-сост. Н. Д. Солженицына. — М. : АСТ, 2016. — 224 с.
3. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 9 т. — М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 1999–2005. — Т. 7. — 2001. — С. 17–33, 100–142, 237–254, 431–456 ; Т. 8. — 2005. — С. 237–248.
4. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. — Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995–1997. — Т. 2. — 1996. — С. 13–17, 211–233 ; Т. 3. — 1997. — С. 145–155.
5. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. — М. : Время, 2006–. — Т. 1. — 2006. — 672 с. ; Т. 3. — 2012. — 552 с. ; Т. 7. — 2007. — 432 с. ; Т. 8. — 2007. — 536 с. ; Т. 9. — 2007. — 512 с. ; Т. 10. — 2007. — 592 с. ; Т. 16. — 2010. — 792 с. ; Т. 18. — 2016. — 544 с.

References

1. Meetings with A. I. Solzhenitsyn. *Studija "Publicist"* [Publicist Studio]. 1995. Available at : <http://www.solzhenitsyn.ru/mediateka/tvcasts/1335/> (accessed: 16.02.2022). (In Russian).
2. Solzhenitsyn A. I. *"Prjamaja linija": nado dumat' ob obshhej bede* [Direct Line: We Should think about Common Problems]. Solzhenitsyna N. D. (comp.). Moscow, АСТ Publ., 2016, 224 p. (In Russian).
3. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie sochinenij : v 9 tomah* [Collected Works: in 9 vols.]. Moscow, TERRA-Book Club Publ., 1999–2005, vol. 7, 2001, pp. 17–33, 100–142, 237–254, 431–456 ; vol. 8, 2005, pp. 237–248. (In Russian).
4. Solzhenitsyn A. I. *Publicistika : v 3 tomah* [Publicistics: in 3 vols.]. Yaroslavl, Upper-Volga Publishing House Publ., 1995–1997, vol. 2, 1996, pp. 13–17, 211–233 ; vol. 3, 1997, pp. 145–155. (In Russian).
5. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie sochinenij : v 30 tomah* [Collected Works]. Moscow, Time Publ., 2006 vol. 1, 2006, vol. 672 p. ; vol. 3, 2012, 552 p. ; vol. 06, 432 p ; vol. 8, 2006, 536 p. ; vol. 9, 2007, 512 p., vol. 10, 2007, 592 p. ; vol. 16, 2010, 792 p. ; vol. 18, 2016, 544 p. (In Russian).

Информация об авторе

Алтынбаева Гульнара Монеровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Сфера научных интересов: творчество А. И. Солженицына, история русской литературы и культуры второй половины XX–XXI веков, современный литературный процесс, компаративистика.

Information about the author

Altynbayeva Gulnara Monerovna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Languages of the Institute of Philology and Journalism at Saratov National Research University named for N. G. Chernyshevsky.

Research interests: A. I. Solzhenitsyn's work, Russian literature and culture of the 20th–21st centuries, modern literary process, comparativism.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.